

Айпад

Детская волшебная повесть

Алексей Лукшин
Айпад – Детская
Волшебная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958618

ISBN 978-5-4474-0489-5

Аннотация

Книга о трёх закадычных друзьях, мальчишках: Гошке, Слюнтике и Балбесе. Отец Гошана, папа Мякиш, разрабатывал детскую компьютерную игру, осталось придумать только имена героям игры. В одно прекрасное утро, когда папа Мякиш ушёл из дома, Гошан ввёл пароль на планшете. Так познакомились Гошан и Волшебник Моцарт. Читайте забавную историю про мальчишек и узнайте, что произошло с ними дальше.

Содержание

Глава 1. Как папа Мякиш обещал создать самую лучшую компьютерную игру для детей	5
Глава 2. Как Серёга получил прозвище Балбес	14
Глава 3. Как дружили Гошка и папа Мякиш	19
Глава 4. Знакомство с новым другом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Айпад – Детская
Волшебная повесть
Часть первая
Волшебник из Айпада
Алексей Лукшин**

© Алексей Лукшин, 2015

© Галина Крылова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1. Как папа Мякиш обещал создать самую лучшую компьютерную игру для детей

Это было давно, ещё когда я был маленький. Родители на лето отправляли нас, детей, в деревню. На природу, на свежий воздух. Покушать досыта овощей и фруктов. Набраться витаминчиков, как ласково называли это они.

Но самое главное, скажу по секрету, все мои друзья приезжали за тем, чтобы набегаться, наиграться и полазить по огородам, чтобы купаться целыми днями без присмотра старших и общаться с друзьями. И, наконец, послушать сказки доброго деда Андрея.

Вечерами, на закате, мы приходили к его дому, рассаживались на большом дворе: кто на завалинке, кто на дровах, а кто на добротном сколоченных лавках. Кому не обязательно было смотреть на деда Андрея, когда он рассказывал, ложились прямо на траву. Они просто закрывали глаза и отправлялись в путешествие в ту историю, которой дед с нами делился.

С дедом Андреем был один значительный договор. За один вечер он рассказывал только одну сказку или историю.

Многие из вас уже знают эти сказки по другим книгам.

Но они для маленьких и совсем маленьких.

Однажды, когда мы немного подросли, он нас предупредил, что расскажет одну очень большую сказку. Что на эту сказку не хватит одного вечера, даже двух или трёх. Что понадобится много-много дней. Потому как дед рассказывал медленно, неторопливо. Он любил завернуть сюжет так, что ему зачастую необходимо было вспоминать самые мелкие детали и подробности, которые происходили с героями его рассказов.

Не все дети могли выслушать историю целиком, многие приезжали на выходные, кто-то всего на неделю, кто на месяц, но были и те, кто приезжал на каникулы на всё лето. Позднее, уже спустя время, именно их и просили дорассказать ту или иную сказку.

Уже став взрослым, я вспомнил о тех историях и решил их записать, чтобы их могли прочесть те, кто в детстве не успел дослушать. А также, чтобы с ними могли познакомиться те ребята, которые любят читать о приключениях своих сверстников.

История эта началась в одном старом районе большого города. В этом районе на каждом шагу располагались маленькие парки и скверы. Около двухэтажных и трёхэтажных домиков все дворы заросли многолетними высокими деревьями. Можно было даже подумать, что дома строили прямо в лесу.

Тут-то и жил мальчик девяти лет по имени Гоша. Между собой друзья звали его по-взрослому: Гошан или Гошка.

Все также знали его папу, папу Лёшу, которого с детства и до сих пор папины друзья между собой называли Мякишем, словно он был хлебный шарик или пластилин. А всё началось из-за того, что он был добрый и отзывчивый.

Папа у Гошана занимался компьютерами. Можно сказать, был программистом. То есть он хоть и не занимался компьютерами специально, но хорошо в них понимал и мог установить любые игры и программы. А где он их брал, то ли в глубине компьютера, то ли ещё где, никто сказать не мог. Но точно не покупал. Скорее всего, изобретал сам.

Он включал компьютер, который светился, как новогодняя ёлка. Перебирал по клавишам, издавал какие-то странные и непонятные звуки, а потом вскакивал так резко, что головой мог сбить настольную лампу. Пробегал радостно по комнате и останавливался. Просто замирал с вытаращенными глазами, а волосы его торчали в разные стороны. Потом, опомнившись, он замечал: «Батюшки мои, на ноге нет тапочки!»

Он удивлённо разглядывал ноги: босую и обутую. И задавал себе вопрос: «Куда же делась тапка?»

Затем чесал шевелюру на голове и делал это так увлечённо, что раздавался звук, словно где-то скребут кошки. Потом папа Мякиш шевелил пальцами на ноге, будто играл на рояле. Так пошевелит и этак пошевелит.

После этого шевеления носок не выдерживал, большой палец проделывал дырку и свободолюбиво вырывался наружу.

Гошан со своими друзьями, которые были в этот момент у него в гостях и сидели все втроём, рядом на диване, дружно смеялись над Гошкиным папой.

Он на них не обижался, а только дразнил их:

– Что, мелюзга? – и забавно качал головой.

Тогда все дети вытягивали руку и показывали указательными пальцами, где осталась тапка.

Папа, выпрыгнув из-за стола, не заметил, как от такого резкого движения нога дёрнулась и тапка «выстрелила», как из пушки, и улетела далеко от того места, где сидел папа Мякиш, чем он насмешил всех ребят и самого себя в том числе.

Посмеявшись, все вместе они садились пить чай. За разговором папа Мякиш обещал детям изобрести самую лучшую детскую игру всех времён и народов.

– Вы только не торопите меня! Дайте время чуть-чуть, – он открывал рот, чтобы сказать ещё что-то и закрывал глаза от удовольствия и от мыслей, которые были у него в голове.

И так в этой позе, с открытым ртом и закрытыми глазами, он застывал, словно увидел чудо. В такие моменты на папу Лёшу было приятно смотреть. Он был великолепен, как изобретатель. От прилива вдохновения он попросту забывал, что хотел сказать.

А потом, громко вздохнув и очнувшись, словно ото сна,

он продолжал, как ни в чём не бывало:

– Я, конечно, и сейчас могу похвастаться, но не буду. Боюсь, не всё пройдёт гладко.

Дети с любопытством слушали. И со дня на день ожидали: когда же, когда же свершится чудо и Гошин папа наконец-то представит на их детское обозрение своё долгожданное изобретение!?

– Что же это за чудо? – спрашивали дети.

– Подождите, подождите. Надо эту программу подстроить под модный планшет, – переживал вслух папа Мякиш. – Сейчас самый крутой планшетник, – задавал он вопрос детям, – какой?

– Айпэд, – отвечали дети хором.

– Правильно! – соглашался папа Мякиш с ними по-взрослому. – Вот когда почищу кое-что в программе, тогда все вместе и попробуем.

Любопытные дети с нетерпением ждали. Самый нетерпеливый был Серёга Балбес.

Однажды, выйдя на улицу, друзья пошли прогуляться. И Балбес, как всегда, начал возмущаться и бубнить:

– Гошан, ты скажи папану, мы долго ждать не можем. Мы уж скоро повзрослеем. На кой тогда нам нужна будет его детская игра?

– Ладно тебе, Балбес! – возражал Слюнтик. – А ты, Гошан, скажи бате, – по-взрослому рассуждал и советовал он, – что папашка и так с опережением графика идёт. Молодец!

– Какого ещё графика? – переспросил Балбес, скорчив непонимающую гримасу.

– А такого! Папа Мякиш хотел, чтобы внуки его, то есть наши дети, играли в эту игру. А теперь обещает, что и мы ещё успеем поиграть. А может, даже и не раз! Я вот верю, что Гошин отец успеет нас порадовать, – с важностью отстаивал Слюнтик, получивший это на первый взгляд обидное прозвище за то, что каждый раз, как видел всевозможные сладости, у него текли слюнки. И он всегда делал такое сосредоточенное лицо, что многим казалось, что он может не выдержать и наброситься на лакомство.

На самом деле, сладкое он любил, но только по настроению. Он даже мог с лёгкостью отказаться от угощения, а вот слюнки удержать у него не получалось, даже если он видел картинку с каким-нибудь Сникерсом или Баунти.

Но теперь их внимание переключилось на более важные дела. Балбес быстро оттянул резинку штанов и показал, в каких он сегодня плавках.

– Смотрите! – хвастанул он.

Друзья оба, как сговорившись, скосили глаза на его штаны, из-под которых торчал краешек плавков.

– Плавки как плавки. Ничего особенного, – нахмурился Гошан. – Цвет уж больно девчоночий! – и зашагал быстрей.

Хотя в душе они ему очень понравились, потому что у него плавательные трусы были не обтягивающие, а ему очень хотелось, чтобы они обтягивали ноги. Но родители

ему всегда покупали на вырост. И пока он носил эти плавки, они старели, выцветали или совсем изнашивались, так что Гошану поносить плавки в обтяжку никогда не удавалось.

Балбес слегка рассердился на Гошу, но догадался, что тот мог и позавидовать, но только не хотел показывать вида. Потому не мог уговориться.

– Важно, – подчеркнул Балбес, – из какого они сделаны материала. – Что быстро сохнет, и можно не бояться идти в них домой. Родители даже не заметят, что я ходил купаться без разрешения.

– А мне не запрещают ходить на озеро! – вмешался Слюнтик, как бы ставя себя выше других.

– И мне тоже, – согласился с ним Гоша. – Потому плевать я хотел на такой материал и на то, что он быстро сохнет. Выжать плавки недолго, постоял на солнце или на ветру, вот они и сухие.

Но Балбес не сдавался и отстаивал достоинства своих плавков. Даже придумал новые преимущества.

– Они из такой ткани, такой ткани, – заговорил он громко, чтобы быть убедительней, – которая позволяет быстрее по воде скользить и удерживать большую скорость. Сопротивление чем меньше, тем легче плыть. А вдруг в океане окажешься. На середине. В таких плавках и до берега легче добраться.

Гошан и Слюнтик переглянулись и внимательно посмотрели на Балбеса. Такой поворот событий тронул их детские

умы. Тут уж Балбес действительно привёл такие взрослые доводы, что спорить с ним не хотелось.

Балбес ждал, что они скажут. Слюнтик ещё раз осмотрел плавки и дал своё заключение:

– Действительно хорошие! Только цвет не очень. Мне такой не нравится.

– А я специально такой взял, чтобы только мне нравился, – скривил душой Балбес. Цвет ему тоже не очень нравился, но признаваться в эту минуту он не стал. Иначе друзья не будут ему так сильно завидовать.

– Если в океане плыть, то силы там точно понадобятся. А если силы закончатся, тогда точно утонуть можно, – Слюнтик пощупал ткань, – сразу чувствуется, технология!

Гошан, слыша разговор, прошёл несколько шагов и только заметил, что друзья остановились. Он обернулся. Затем вернулся к ним. И, повторяя движения Слюнтика, изучил ткань «технологичных» плавок приятеля.

Так они и стояли втроем. Балбес гордился своими плавками и тем, что привлек всё-таки внимание друзей. Он давал ребятам возможность разделить его гордость, что родители смогли так угодить ему и взволновать любопытство друзей. И теперь он стал немножечко выше в собственных глазах перед своими друзьями.

– Ты береги их, – проговорил Слюнтик. – Когда вырастем, будем у тебя их брать, если кто куда поедет. Ну, например, в Африку или ещё куда! Мало ли что может случиться.

Балбес одобрительно кивнул.

– Не занашивай, – предостерёг снова Слюнтик, – смотри, – пригрозил он, глядя прямо в глаза другу.

– Не, не, – заверил Балбес. – Что вы!?! Буду бережно с ними.

На этом их серьёзный разговор закончился. Они направились купаться в парк на озеро.

Глава 2. Как Серёга получил прозвище Балбес

Прозвище Балбес Серёга получил пару лет назад, когда посмотрел фильм «Волшебные спички». По телевизору шла передача «В гостях у сказки». После окончания фильма вся ребятня высыпала на улицу. Несколько минут назад окончился проливной дождь. Омытая улица сияла чистотой и свежестью, деревья стали ещё зеленей, а непросохшие асфальтные дорожки чернели, точно их надраила техничка из школы, тётя Маня.

Мальчишки и девчонки со всего двора вышли на середину лужайки и обсуждали интересные сюжеты из просмотренного фильма.

Тут, как гром и молния, раздался страшный и непонятный звук. Все обернулись в ту сторону, откуда он раздавался. К ним приближалось чудовище.

Это чудовище имело железный верх, а в самом низу торчали ноги. Оно надвигалось, делая мелкие шаги, и издавало громкие звуки: неприятный треск и барабанную дробь.

Оно, это странное чудовище, шло и стучало себя по верхней части палками, как по барабану, а ещё мычало и кричало. Подойдя к ребятам, существо остановилось, и всем стало понятно, что это кто-то надел на голову большой металли-

ческий бачок и пытается изобразить из себя некое подобие робота из просмотренного только что кинофильма.

– Ты что! Ты чего задумал? – поинтересовались ребята.

– Серёг! – узнал его кто-то из ребяташек.

– Я. Не. Серёга, – прозвучал монотонный голос. – Бам-бам, – прогремели два громких удара. – Я – Балбес. Бам-бам, – проговаривая чуть ли не буквам, звенел его голос из-под бачка, одновременно с повторяющимися ударами. Он застучал палками по стенкам бака высунутыми из-под него руками, словно бил сам себя в грудь. – И кто из вас робот Вертер? Признавайтесь! Бам-бам, – раздавались удары. – Я хочу с ним познакомиться! Бам-бам.

Его слова дребезжали, словно из глубины шахты, а в паузах обладатель сего знаменательного сокровища, каковым являлся бачок, стучал и стучал по нему, чем производил много шума.

Ребятам этот шум основательно надоел, а вот как терпел эти звуки сам Балбес, многие удивлялись.

Его голова находилась в самом эпицентре ужасного шума, и, похоже, громкие звуки оглушили Серёгу, да так, что он, находясь под впечатлением фильма, уже совсем ничего не соображал. И только повторял одни и те же слова, чтобы произвести на всех впечатление.

Друзья долго уговаривали его снять бачок, говорили, что они уже раскусили его, полностью разгадали его тайну. Но Серёга не поддавался и оставался в этом бачке, пока кто-

то из детей постарше не снял силком с него этот железный панцирь.

Он стоял перед ними весь в грязи и паутине и только глупо улыбался.

Помолчав, он спросил:

– Скажите, а вы сразу узнали, что это я? Или не сразу?

– Конечно сразу, – заверил его кто-то. – Я по шнуркам тебя узнал. Оранжевые шнурки только у тебя.

Тут Серёга моментально расстроился. Он оглядел всех остальных и убедился, что оранжевые шнурки действительно имелись только у него.

– А если бы шнурки другого цвета были? – Серёга так глупо улыбнулся, что все ребята его пожалели.

Тогда тот, кто постарше, перебил всех.

– Послушай. Не переживай сильно. Если хочешь быть Балбесом, будь им. Разве нам жалко?

Сказав это, старший задрал нос от такого своего ловкого и удачного предложения. Краешком глаза он заметил, как на него смотрят младшие по возрасту, восхищаясь его уму и находчивости.

Серёга сначала покраснел от стыда. Ведь ему действительно так хотелось быть похожим на этого героя кинофильма. Но он стеснялся признаться вслух. А тут ему предложили, что и просить никого не надо.

Стыдливость прошла, и он сиял от счастья.

«Теперь я – Балбес! Теперь я – Балбес!» – повторял он

мысленно. Лишь бы друзья согласились его так называть, чтобы не пришлось уговаривать и спорить, чтоб потом никто не занял понравившееся ему прозвище.

Ведь такое тоже часто бывает. Кто-нибудь придумает себе прозвище. А на следующий день кто-то другой возьмёт и присвоит его себе. Или сговорятся ребята между собой. Посчитают, что другому товарищу прозвище лучше подходит. И всё. Прозвище ушло. И того мальчишку тем прозвищем не называют, и у этого забрали.

Нет, сейчас будет иначе. Взрослый парень сказал – так и будет. Никто спорить не станет.

В тот вечер он лёг спать с одной мыслью, что теперь он – Балбес. Наверно, скоро он попадёт в сказку, и с ним будут происходить чудеса.

Но прошло уже много дней, а чудеса не происходили, и имя Балбес ему уже не очень нравилось. Серёга даже начал просить не называть его так. Но это имя так сильно привязалось к нему, что многие во дворе и забыли, как его зовут на самом деле.

Даже когда стучали в дверь квартиры, по привычке спрашивали у родителей: «Дома ли Балбес?»

– Кто? – с удивлённым лицом спрашивали родители.

– Кто, кто! Балбес, – с не меньшим любопытством переспрашивал очередной дружок. А сам думал, уж не ошибся ли он квартирой. Потом проходило чуточку времени, и товарищ, уверенный в своей правоте, снова повторял: «Так что,

дома Балбес?» И даже не подозревал, что у Балбеса может быть другое имя.

Глава 3. Как дружили Гошка и папа Мякиш

Однажды вечером Гошан и папа Мякиш были дома вдвоём. Мама Гошана уехала в отпуск на море с подругами. На целых две недели.

Она приготовила и закупила им еды на неделю вперёд. И взяла обещание, что когда продукты закончатся, папа будет сам готовить суп. Какой-нибудь простой и несложный, чтобы подолгу не стоять у плиты.

Папа, конечно, обещание дал, заверил, что картошку жарить будет обязательно, каши варить по утрам ему тоже не сложно, а уж суп подавно сварит обязательно.

Мама ему верила, но проверять могла, только спросив у Гошана. А Гошан ей всё честно рассказывал, когда она звонила.

На самом деле папа Мякиш и Гошан имели совместный договор, который был одним из самых важных их секретов.

Уговор заключался в следующем. Никому и никогда не рассказывать, что они едят и в каких количествах на самом деле. Особенно об этом нельзя рассказывать маме. Другим они тоже об этом не говорили, чтобы те невзначай где-нибудь и как-нибудь не проболтались.

Как только еда, которую наготовила мама, заканчивалась,

они переходили на самые любимые свои продукты. На завтрак они ели печенье со сгущёнкой, конфеты и мармелад. Доставали варенье, мёд и ставили на стол. И кому что хотелось, уплетали за обе щёки.

Папа Мякиш хоть и был взрослый, но сладости любил довольно сильно. Он часто сидел за компьютером, сложив около себя горку конфет, и поглощал их. Иногда даже забывался и мог сунуть конфету в рот прямо с обёрткой. Разжёвывал конфету и только затем обнаруживал, что её вкус не такой, как у предыдущей конфеты. Она казалась ему не очень сладкой, а потому невкусной. Достанет он такую конфету изо рта, а она, родименькая, как была завёрнута в фантик, так и осталась. И папа Мякиш оглядывался, не смотрит ли Гошан.

А Гошан, конечно, смотрел. Даже иногда хулиганил. Подсовывал отцу свёрнутые фантики, словно это были конфеты.

Когда отец обнаруживал шутку, то не сердился на сына, потому что они дружили не просто как отец с сыном, а как самые лучшие друзья. И даже разница в возрасте была им не помеха.

Папа Мякиш тоже шутил по-своему. Когда Гошан надевал джинсы наизнанку, отец молчал. А когда они уже были далеко от дома, папа невзначай говорил:

– Гошка, а где у тебя карманы? Вроде штанов без карманов мы с мамой тебе не покупали.

Тут Гошану было не до смеха. Он злился на отца и очень переживал, что они могут встретить кого-то из знакомых.

А отец подшучивал ещё сильнее.

– Вот, смотри, девчонка из вашего класса идёт!

Гошан в испуге останавливался и оглядывался. Но отец тут же открещивался:

– Нет, Гош. Спутал. Забыл, как ваши одноклассницы выглядят.

– А где, кого ты спутал? – переспрашивал на всякий случай сын. И вертел головой по сторонам, пока до него не начинало доходить, что отец тоже горазд пошутить над ним.

Правда, один раз папа Мякиш спас Гошку от насмешек его товарищей. Они все вместе, родители и дети, были за городом с ночёвкой. Жгли костёр, играли в разные игры.

И вдруг кто-то обнаружил, что у Гошана два разных носка. И только этот кто-то хотел закричать, рассказать всем и посмеяться над Гошаном, тут как тут подоспел папа Мякиш, которого дети уважали и даже делились с ним своими секретами. Потому как он тоже никогда и никому не рассказывал о том, о чём беседовали дети втайне от своих родителей.

Так вот, папа Мякиш подоспел на помощь Гошану и объяснил друзьям, что это они с Гошкой поспорили, заметит ли кто, что на нём разные носки. А тому, кто заметит, они обещали торт. Так вот тому, кто заметил, они велели приходить к ним домой за тортом. А ещё лучше, если он придёт с друзьями, и они все вместе попьют чай и посмеются над этим забавным происшествием.

Обед в отсутствие матери был у Гошана и отца очень,

с их точки зрения, правильный. Они ели свою любимую вермишель или макароны с сосисками. А если хотели разнообразия, то варили себе рис, а изредка и гречку. Но ели всегда с сосисками или колбасой. Сосиски у этих двоих были излюбленным блюдом. Они могли есть их и на завтрак, и на обед, и на ужин. И даже ночью, если вдруг внезапно захочется кушать.

Много ли для этого надо? Сварил пару сосисок побольше, полил соусом, отрезал ломоть хлеба и, главное, как учили с детства, нужно пережёвывать долго и тщательно. Они, как старые дружбаны, смотрели друг на друга и тщательно пережёвывали.

К сосискам и макаронам на обед добавлялось мороженое, после чего запивалось любимым зелёным Тархуном.

Ужин всегда был проще. Папа Мякиш выкладывал на тарелку сосиски. Надрезал их ножом, чтобы они ненароком не взорвались. Закладывал в микроволновую печь и ждал, когда они, потрескивая, поджарятся.

Затем звал Гошку, и они, оба довольные, садились ужинать. Поливали сосиски кетчупом, ломали пополам французскую булку и разливали по бокалам кто что хочет. Гошка обычно наливал молоко, а отец же ставил стакан с водой, а в бокал наливал несладкий чай. Так они ели и ждали, когда им позвонит мать и задаст вопрос: «А что же сегодня у вас на ужин? И да, кстати, а на обед что было?»

А они, уплетая сосиски, перечисляли, чем же они пита-

лись сегодня.

Папа Мякиш крайне правдоподобно утверждал, что едят они салат, а на второе у них жареные кабачки и котлеты. А на обед, якобы, был борщ со сметаной и жареная картошка с гуляшом. Папа и сын довольно переглядывались и посмеивались, делая друг другу знаки хитрыми глазами. А мама им верила, потому что голоса были бодрые и счастливые.

Но в этот вечер мать заранее предупредила, что не позволит. Якобы с группой туристов они отправятся на экскурсию и приедут поздно. Так что она их не навестит с обычным телефонным визитом.

Гошан заснул перед монитором под фильм о приключениях Гарри Поттера. Голова свесилась на бок, рука повисла со спинки дивана. Неизвестно, что ему снилось, но с уголка рта текла убедительная слюнка, словно перед ним лежало что вкусное.

Папа Мякиш закончил работать над своей игрой и направился на кухню готовить ужин. Не сразу заметив спящего Гошку, он окликнул его:

– Гош, пойдём по сардельке закинем, да спать пора. Я там кетчуп наш сегодня вечером закупил.

Гошан не отвечал. Мякиш взглянул сыну в лицо – Гоша спал.

«Эх! Дело молодое, утомился». Он слегка потрепал сына по мягким волосам, не желая его тревожить, но увидев, как тот неудобно улёгся, решил всё-таки разбудить.

Как только Гоша проснулся, то сделал вид, что он не спал, а просто задумался.

– Пойдём поужинаем! – позвал папа Мякиш и направился на кухню.

– А что у нас сегодня? – спросил Гошка.

Мякиш повернулся, чтобы ответить, и увидел, как Гоша встал и пошёл спросонья, шатаясь из стороны в сторону. Папа засмеялся:

– Сардельки, любимые наши. Самый правильный ужин!

Сказав это, папа Мякиш врезался в дверной косяк, чем рассмешил Гошку.

Гошка весело засмеялся и споткнулся сам, запнувшись на тапочках. Покачнулся, потерял равновесие, но удержался. А потом они с отцом радостные пошли на кухню.

Папа Мякиш сунул четыре сардельки в микроволновую печь и приготовился нажать на кнопку.

– На старт, внимание, – и поглядел на сына.

– Пошёл! – дал ему команду Гошан.

Микроволновка загудела, разогревая сардельки. Папа Мякиш взял бутылку с кетчупом и принялся крутить в руке. Потом поставил на стол перед Гошаном.

– Гош, забыл компьютер выключить. Пойду выключу.

Папа Мякиш зашлёпал босыми ногами по полу. Гоша взял бутылку с кетчупом и прочитал надпись: «Кетчуп. Сладкий». Он открутил крышку и понюхал. Потом накрыл крышкой бутылку, но завинчивать не стал. Микроволновка про-

должала гудеть. Вернулся папа Мякиш. Микроволновка начала пищать, предупреждая о готовности сарделек. Мякиш открыл дверцу и достал тарелку с сардельками. Потом, взяв чистую тарелку, поставил её перед Гошаном и, обжигаясь, кинул ему две сардельки.

– Пх, пх, – подул он на пальцы, – пх, пх.

– Па, обжёгся, что ли? – сопереживал Гошан.

– Ой, ой! – заверещал папа Мякиш.

Гошан испугался за отца.

– Суй в воду скорей, суй в воду скорей, – торопил отца

Гошан и вскочил со стула, чтобы схватиться за него и как можно быстрее подвести его к умывальнику.

Мякиш поднял обожжённый палец вверх и подбежал к раковине. Включил холодную воду и сунул палец под струю.

Гоша успокоился, но тут услышал звук.

– Пшш. Пшш, – звук был такой, словно под воду сунули раскалённую докрасна железку. – Пш—ш, пш—ш, – продолжал изображать шипящий звук папа Мякиш и улыбался.

Довольный шуткой отца Гошан всё понял и радостно засмеялся.

Папа и сын пошли за стол, уселись перед своими тарелками и облизнулись. Папа Мякиш схватил бутылку с кетчупом, чтобы встряхнуть её и полить сардельки.

И как только он это сделал, открытая крышка слетела, и содержимое из опрокинутой бутылки толстенной красной струёй вылетело прямо на папу Мякиша. Половина кетчупа

оказалась на лице, на рубашке и на штанах.

Большая полоска красного цвета со лба стекала на глаз и бежала дальше, вниз по щеке, как огромная кетчуповая слеза.

– Па, вот ты даёшь. Кетчуповый папа! – обрадовался Гошан. Так смешно ему давно уже не было.

Пока папа Мякиш принимал душ, сардельки остыли. С остатками кетчупа они съели их уже холодными. Зато настроение было замечательное!

Потом папа открыл сгущёнку и поставил на стол. Гошан тут же с быстротой молнии сунул палец в банку и вытащил его оттуда. Палец стал в два раза толще. Гоша, пока сгущёнка не пролилась на стол, впихнул сладкий палец в рот. Причмокивая, он закатил глаза от удовольствия.

– Гошан, ты чего это надумал, – сказал папа и показал ему на палец. – Это же *некулторно*, – искажил он слово *некультурно*. – Взрослые дети так не делают.

– Да ну тебя, па. Какой я взрослый? Я ещё маленький. А так сгущёнка во много раз вкусней.

Папа Мякиш посмотрел на Гошку строго. Подумал и говорит:

– Вкусней, говоришь? А как же воспитание? Где правила поведения?

– Пап. Хватит. Мамки же нет. Ты чего привязался? – Гошан расстроился.

– Ну ладно. Вкусней, говоришь? – переспросил папа Мя-

киш у Гошана.

– Я тебе говорю! – подтвердил Гоша. – Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Папа Мякиш посмотрел на сына ещё строже. И, ни слова больше не говоря, сунул свой длинный указательный палец в банку. Макнул несколько раз, чтобы сладкой жидкости больше налипло, и после этого демонстративно вложил палец в вытянутые трубочкой губы.

– Н-да! Не только неплохо. Скажу, что так гораздо вкусней!

Гошан смотрел на отца и не верил своим глазам. А папа Мякиш молча взял банку в одну руку и принялся совать палец в неё, а потом в рот. И таким образом съел половину банки за один присест.

Гошан даже рот разинул. Он вытянул руку, чтобы взять у отца банку, но тот, будто и не заметив, продолжил макать палец.

– Мне оставь. Па-а! – предостерегал Гошан отца.

Он уже боялся, что зря выдал отцу секрет, после чего тот даже забыл, что надо оставить и Гошану.

– Пап, оставь немножечко, – сказал Гошан снова и посмотрел жалкими и просящими глазами.

– Ты знаешь, Гошан, а сгущёнка так действительно намного вкусней. Это хорошо, что ты меня остановил. Иначе бы я всю так и съел!

Папа Мякиш поставил банку на стол. Гоша хотел сунуть

туда палец, но сгущёнки там осталось на доньшке, и доставать её пальцем стало уже неудобно. Тогда Гоша взял ложку и набрал целую, с горкой. Он уже боялся, что отец снова захочет полакомиться, и тогда сын останется без сладости.

Но папа Мякиш потирал живот и не собирался больше кушать сгущёнку. Он, если честно, уже переел, но зато прочил Гошана.

Затем папа Мякиш поделился с сыном тем, как движутся у него дела по изобретению:

– Игра вот-вот будет закончена. Всё уже на своём месте. Осталось только персонажам игры придумать имена и разные приключения и подвиги, какие бывают в детских компьютерных играх. Кое-где надо добавить картинок, точнее картинки есть, только их надо расставить покрасивее. Дети ведь любят красивые картинки.

Гошан внимательно слушал и затаил одну хорошую идею, которую решил отложить до утра.

– Гош, пойдём спать. Я завтра с утра поеду по работе, и меня не будет до вечера. Так что завтра посидишь один. Только смотри, чтобы всё хорошо прошло! Договорились?

– Па, ты что! Спрашиваешь! А когда по-другому было?

Они обнялись и вышли из кухни. А потом разошлись каждый к своей кровати.

Глава 4. Знакомство с новым другом

Утром Гоша проснулся одновременно с папой Мякишем, но притворился, что спит, пока папа не начал его будить, чтобы сказать, что уходит. Тогда Гошан зевнул, сел на кровать, а сам одним глазом подсматривал, не ушёл ли отец. И только когда дверные замки щёлкнули, а дверь закрылась, Гошан, уже бодрый, вскочил с постели.

Он хотел отжаться от пола, как делал обычно по утрам, но, отжавшись только пару раз, бросил и побежал на кухню. Налил себе чай, взял несколько конфет и пошёл в комнату отца.

Там Гошан быстро включил отцовский компьютер. И стал пить чай, дожидаясь пока программа загрузится.

А когда компьютер загрузился, он полез в ту программу, над которой работал отец.

Спустя некоторое время Гошан осознал, что ничегошеньки в программе понять не может. Но зато он разобрался, что надо взять Айпэд и включить его.

Недолго думая, Гоша взял в руки планшет, включил и пошёл с ним на кухню за печеньем. Вместе с тем он сунул на тарелке две сосиски в микроволновку, чтобы разогреть. Микроволновка загудела.

Усевшись за кухонным столом поудобней, он жевал и продолжал нажимать на экране разные значки и кнопочки.

Высветилась надпись «Введите пароль».

Гошкин отец всегда учил его вводить знакомые цифры, но знакомые только ему. Например, домашний номер телефона. И ещё первую букву имени. Своего.

Гошан ввёл домашний номер телефона, но первую букву набрал не своего имени, а отца. Закачанная программа принадлежала отцу, потому Гошка посчитал, что лучше будет сначала попробовать набрать первую букву отцовского имени.

Он шлёпнул по экрану на букву «А» или «F», это если по-английски.

Планшет стал загружаться. Гошан обрадовался. Значит, всё верно!

Колесо на экране закрутилось, а Гошан стал весело качать головой под незнакомую мелодию. И в тот момент, когда программа вот-вот должна была заработать, планшет потух, словно перестал работать. Гоша подумал, что это программа дала сбой. Но в этот момент потух свет и в квартире. Наступила сплошная темнота.

Гошан испугался и завертелся на месте. Темнота была такая, что совсем ничего нельзя было рассмотреть. Гоша зажмурился и снова открыл глаза. Ничего не изменилось. Он стал искать стол на ощупь, но стола как будто не было.

Тогда он вытянул руку вправо, где должна была быть сте-

на. Стены тоже не было. Тут Гошан не на шутку растерялся.

Вдруг комнату осветил яркий луч. Этот луч побегал-побегал, а потом наткнулся на Гошку. И комната озарилась разноцветными радужными огоньками. Они переливались, моргали, словно играли и переглядывались между собой, вовлекая в свою игру и нового участника. У Гошки сделалось хорошее настроение.

Сразу после этого загорелся и обычный свет, а Гоша снова очутился на своей кухне, но теперь уже не один. Перед ним стоял незнакомый мальчуган, с виду вроде бы его сверстник.

Гоша держал в руках Айпэд и видел на заставке экрана того же мальчишку, который стоял перед ним прямо здесь, на кухне.

– При-и-ве-ет! – удивился Гошка и почесал затылок, как обычно чесал отец, когда задумывался. И так же, как отец, застыл от удивления.

– Здорово! Ты кто? – мальчишка таращил глаза по сторонам. Похоже, он тоже удивлялся не меньше, ведь он никогда раньше не видел ничего подобного.

– Я – Гошан. Ого-го! – задышал он, словно паровоз. – А ты кто? Эге-ге! – вздыхал очумевший от неожиданности Гошка. – Как оказался на моей кухне?

Гошан, конечно, от такого волшебства обалдел. Он впервые в жизни столкнулся с чудесами и не верил, что всё это происходит с ним. Он осмотрел чужака. Рубашка с узором из каких-то финтифлюшек, коричневые, будто матовые,

джинсы. И удивительные кроссовки с высокой подошвой в форме полумесяца. Гошка про себя назвал их лунными ботинками. Он посмотрел прямо в лицо мальчишке, когда тот заговорил:

– А я – Моцарт! Из школы волшебников, – Моцарт сделал несколько шагов и открыл холодильник, чтобы посмотреть, что это такое. Сделал он это потому, что запищала стоявшая на нём микроволновка. Там как раз приготовились две сосиски.

– Откуда?! Из школы волшебников? – переспросил Гоша. Ему не верилось, что вот так запросто перед ним оказался настоящий волшебник.

– Да. А ты что, не веришь? А ты сам, из какой школы? – спросил Моцарт.

– Я из самой простой! – и тут он вспомнил имя, которое носила школа. – Имени Сахарова! – Гошан от важности вытянулся в струнку, набрал побольше воздуха в лёгкие, чтобы казаться солиднее, и замер.

Моцарт перебрал в уме всех волшебников, которых мог вспомнить. Сахарова не было в списках тех, кого он помнил наизусть.

Это смутило Моцарта, и он немножко растерялся.

– И какое же чудо совершил твой Сахаров? Самое главное чудо своей жизни?

– Какое чудо? – перебил его Гошан. – Он совершил подвиг, – разошёлся мальчик. – Он герой, понимаешь?! Герой!

Все хотят стать героями. Чтобы о них говорили.

– Какой подвиг? – снова переспросил Моцарт. – И что за герой?

Тут Гоша замялся.

– Если честно, мы ещё не проходили это на уроке. Ну... – Гошка замялся. – Нам не рассказывали. Только через три года дадут задание прочитать, какой же подвиг совершил Сахаров. Хотя немного знаю, что он был борец. Но по какому виду борьбы – не могу сказать.

Гошан помолчал, собрался с мыслями и сказал:

– Но если хочешь, можем у Балбеса спросить. А можем у Слюнтика. Кто-то из них наверняка знает.

Моцарту не понравился его ответ.

– Послушай, Гошан, – сказал он, – ты не знаешь, кто такой Сахаров, именем которого названа твоя школа. Ты совсем неправильный, Гошан, – сделал заключение Моцарт. – А я хотел с тобой подружиться. Как же мы будем с тобой друзьями?

– Ну ладно, ладно. Ты чего, Моцарт? Сейчас, – Гошан прошёл в комнату и на отцовском компьютере набрал в Яндексе «Сахаров».

Рядом с ним стоял Моцарт.

Вместе они быстро читали: «Российский физик и общественный деятель».

– Моцарт, тебе это о чём-то говорит? – Гошан поглядел на своего нового друга.

– Нет. Не говорит. Но судя по фотографиям – мужик хороший. Сразу видно – хороший. Такие любят заступаться за других. Нас в Волшебной школе учат различать хороших и добрых людей. В этом точно есть все элементы большого друга и хорошего человека.

– Вот так, Моцарт. Я же говорил – герой!

– Что верно, то верно, – согласился Моцарт.

Потом вспомнил, что кухонный агрегат пикал на кухне и спросил у Гошки:

– Гошан. Там пиццало что-то. Что это было?

– А-а, – протянул Гошка. – Пойдём. Я поделюсь с тобой сосиской. Они разогрелись. Это мой завтрак. Любимый. Кетчупом польём. Знаешь, как вкусно! У нас все пацаны балдеют от сосисок. Наше пацанское блюдо.

Гошан стал чуть серьёзнее после того, как произнёс эти слова.

– А у вас нормальные ребята чем питаются?

– О, у нас много чем. У нас есть завтрак, потом кумыс пьём. Затем обед. Потом полдник. Ну и ближе к вечеру ужин. Если хочешь, перед сном можно фруктов пожевать.

– Вы это чего? Вы что, целый день там жрёте, что ли? Вы там в толстяков превратитесь, – Гошка оценивающе глядел на Моцарта. – Смотри-ка! А ты вроде не толстый.

– На, держи, – Гоша протянул Моцарту сосиску на вилке и поставил тарелку с кетчупом на стол. – Макай и ешь, – и показал, как надо правильно обмакнуть сосиску и откусить.

Моцарт повторил и с аппетитом откусил. Прожевал. Снова макнул и снова откусил. Молча съел, а потом говорит:

– А ещё есть? Я не распробовал.

Гошан возмутился.

– Ишь ты какой! – и улыбнулся. – Я бы конечно и сам ещё съел. Да только это были последние. Больше нет. Мы с отцом вчера слишком много съели. Это он мне на завтрак оставил.

От восхищения глаза у Моцарта сделались большими, как сливы.

– Ты со мной последним поделился? – он протянул ладонь, чтобы пожать Гошину руку. – Ты настоящий друг!

– Да ладно тебе, – засмутился Гошан. – Как же ты представляешь себе, я бы съел сосиску и не поделился с тобой? Ведь тогда и ты со мной не поделишься.

– Правда. Я и не подумал об этом. Можно, конечно, взять и съесть. Не спросить, хочешь ты или нет.

– О, ты чего? Тогда мы тебя даже близко к нашей компании не подпустим. Слюнтик и Балбес не захотят с тобой общаться.

– Это у вас правило, что надо делиться?

– Ну конечно. Иначе ты будешь жадиной. Жадина-говядина. Только это по-детски. Жадина и говядина. Мы уже так не говорим. Потому что взрослые.

Моцарт запоминал всё, что ему говорил Гошка.

– А это что у тебя? – и он показал на планшет в руках Гошки.

– Что, что! Айпэд. У тебя нет такого, что ли? – удивился Гошан. – А ещё волшебник называется! Какой же ты волшебник, если у тебя нет планшета?

– А зачем он мне? – с любопытством спросил Моцарт.

Тут пришло время Гошки удивиться.

– Как, разве тебе или вам всем не нужны планшеты? Хотя да, – расстроился Гошка, – зачем волшебнику планшет? Он и так всё, что захочет, сможет узнать и наколдовать.

Гошан подошёл к столу, взял стакан и поставил его на подоконник.

– Послушай, Моцарт. Хочу тебя проверить. Настоящий ты волшебник или... Ии-ли-и, привираешь, – Гошка прищурил хитро глаза и пристально взгляделся в лицо Моцарта. – Сказать, что волшебник, я тоже могу. А ты вот переставь стакан с подоконника на стол. Тогда я тебе немного поверю, – будто сам собой согласился Гоша.

– Конечно, я могу переставить стакан на стол, – нехотя сказал Моцарт. – Только зачем? Ты что, мне на слово не веришь?

– Ага! – воскликнул Гошан. – А почему я тебе должен верить? Мне что, каждый день волшебники встречаются? Даже если ты переставишь стакан на стол, я всё равно тебе не поверю. Могу подумать, что ты фокусник, а никакой не волшебник. Просто я такого фокуса не знаю. Вот, смотри!

Гошан вспомнил фокус, как отрывают палец. Выставил левую руку перед собой. Повернул ладонью к себе. Схватил

правой рукой большой палец и начал его отрывать. При этом кричал и корчился, словно испытывает мучительную боль. Потом – хрясть! И палец исчез, словно его не было. Он мотнул рукой без пальца перед Моцартом.

– Видел? А! Каково?

Моцарт испуганно закачал головой и открыл рот. Потом быстро опомнился и торопливо сказал:

– Вот это да! А хочешь, я верну тебе твой палец? Тебе же, наверное, больно, – всё также испуганно, переживая за Гошку, предложил Моцарт.

– Э! Ты чего? Я... Я, – теперь пришла очередь волноваться Гошке. Он представил себе свою руку с двумя большими пальцами, а может, и с тремя.

– Моцарт! Моцарт, я не волшебник. Я тебе просто показал фокус, – он снова искривился от боли и, разыгрывая Моцарта, решил скорей продолжить фокус, чтобы вернуть палец на место. А то, чего доброго, не успеет, и благодушный Моцарт прирастит ему пальцы, куда не следует.

Он водил рукой у рта и кашлял, словно хотел откашлять свой палец снова на место.

И о чудо! Гоша отстранил руку ото рта. Большой палец сиял, как новенький.

Моцарт засветился от счастья, видя, что Гошан, его новый друг, снова с пальцем.

– Ну как, видел? – довольно произнёс Гошан. Сам он обрадовался потому, что теперь Моцарт не захочет приделы-

вать ему новый палец. Если, конечно, Моцарт действительно волшебник.

«Ну, а ты удивишь меня?! Чем же, чем же?», – думал Гошан, и от напряжения у него поднялась бровь. «Ну, ну! Чего бы такого мне попросить!», – Гошан завертел головой, ища, что бы придумать такого, прямо эдакого. Ну, чтобы не жалеть потом. Уж коли перед ним настоящий волшебник. Гошан даже и подумать не мог, что когда надо, он такой несообразительный.

Он старался вспомнить прочитанные сказки, где люди, столкнувшись с самыми настоящими волшебниками, просили их что-нибудь исполнить. Но, как назло, в голову ничего не шло. Кроме золотой рыбки, той самой, которая всё делала, что ни просили. Только Гошка боялся просить много, а то ведь конец у сказки был точно плохой. Это Гошан помнил, как свои пять пальцев.

Потому и просить решил что-нибудь простенькое и несложное. Но в голову так ничего и не шло.

– Послушай, Моцарт. А давай всё-таки со стакана начнём, – грустно предложил Гоша. – И-и, – задумался он, – обратно. Раз ты настоящий волшебник.

Недоумевая, Моцарт смотрел на Гошу.

– Ты чего расстроился? – глаза у Моцарта в один миг стали тоже грустные.

– Знаешь, Моцарт. Первый раз в жизни с правдашним волшебником встречаюсь и не могу придумать задание, что-

бы проверить, настоящий ли ты волшебник. И чтобы потом доказать, что я с тобой знаком. И, конечно, загадать желание, а главное, чтобы оно исполнилось. И мне чего-нибудь досталось.

– А что, мы в последний раз видимся? – Моцарт вопросительно и задумчиво посмотрел на Гошу. И ему стало не по себе. Он к Гошке испытывал симпатию. А уже говорит о том, что они больше не увидятся.

– Нет же, – успокоил его Гоша, – но мне непривычно встретиться с настоящим волшебником. Ведь мы даже не знаем, что будет дальше, – стал придумывать Гоша, чтобы как-то оправдаться перед новым другом. – А спать ты где будешь? – поставил он в тупик Моцарта. – Хотя вам волшебникам и спать-то, может, не нужно. Я, может, если бы был волшебником, то совершал бы чудеса, не останавливаясь. Спать бы перестал, – но тут Гоша выпрямился и стал серьёзным. – Постой! Что-то я отвлёкся, – он выставил одну ногу вперёд, рукой подбоченился. – Я же тебя не проверил, настоящий ли ты волшебник.

– Давай показывай, что ты умеешь. А потом мы решим, что делать с твоими знаниями. Я позвоню Слюнтику и Балбесу. И уж вместе мы придумаем, где могут пригодиться твои способности.

Гоша подошёл к столу и встал между ним и окном.

– Вот, Моцарт, первая твоя проверка. Переставь стакан с подоконника на стол. И обратно. А я посмотрю, не мухлю-

ешь ли ты.

Гоша говорил очень важным тоном, всем своим видом показывая, что никаких поблажек Моцарт не получит. И всё должно быть по-честному.

– Я тебе показывал фокус, самый что ни на есть настоящий, и ты мне покажи, на что ты способен. А иначе ты, – он задумался, – болтун будешь!

Моцарт слегка обиделся на Гошу за такие слова, которые настоящие друзья, конечно же, не говорят друг другу. Гоша заметил на лице Моцарта недовольство и поспешил исправить положение, чтобы тот не обижался на него.

– Моцарт, это проверка, – он интонацией голоса показал, что не такой уж он и жёсткий человек, а напротив, даже очень добрый.

Гоша признался бы, что он так не думает, как говорит. Но правила мальчишек его обязывают проявить строгость. И Гоша, чтобы лишний раз не обижать Моцарта, добавил:

– Я, конечно, всем скажу, что ты хороший парень. Но если ты не волшебник, то лучше я тогда и говорить не буду, что ты умеешь чудеса совершать. А познакомить-то – всё равно познакомлю.

Гошан, довольный собой, увидел, что Моцарт его правильно понял и улыбнулся. Но тут же с ещё более важным выражением лица и строгим голосом сказал:

– Моцарт, я жду. Вот стакан, а вот стол. Ну что же ты?

Моцарт стоял и будто что-то вспоминал. Было видно, как

он вычисляет в голове какую-то формулу. От волнения его лоб даже покрылся влажными каплями. Щёки порозовели, словно ему стало стыдно. Глаза его медленно закрутились, так, будто его взгляд совершал обороты вокруг стакана.

Гоша смотрел. По правде сказать, он не верил в то, что может произойти волшебство. Всё это казалось ему неправдоподобным. Но тут стакан поднялся в воздух и, неуверенно покачиваясь, полетел! Только медленно-медленно.

У Гоши глаза полезли из орбит. Они стали большие, как яблочки «золотой налив». Гоша в растерянности потёр глаза. А потом резко выкинул руку перед собой и попробовал схватить стакан в воздухе.

– Эх! – крикнул Гошан.

Но он промахнулся. Не потому что неудачно прицелился и неловко хватал, а потому что стакан в это время грохнулся на пол и разбился на множество мелких кусочков.

Гоша стоял и смотрел на осколки, не зная, что сказать.

– Ты зачем руками машешь? – посетовал Моцарт. – Видишь, и стакан упал. Ты спугнул его.

– А что, и такое бывает? – обиженно выпятил губы Гоша. – Никак не ожидал, что на волшебников может что-то повлиять.

– Гош, на меня может! – вздохнул Моцарт. – Я ведь не отличник. Формулы волшебства не очень хорошо помню. И часто ошибки делаю.

Вот уж где Гоша не нашёлся, что сказать. Оказывается,

волшебникам тоже надо уроки учить и всё запоминать, чтобы волшебство хорошо получалось.

Гоша наклонился, чтобы поднять крупные осколки стекла.

– Оставь, Гош, – попросил его Моцарт.

– Почему? – спросил Гоша и поднял голову. Он сидел на корточках и посвистывал от сожаления, что разбился стакан. А новый где теперь возьмёшь? Надо будет матери признаться, что стакан разбил. Ладно, хоть не нарочно. А вот так, ни за что, раз и грохнуть стакан об пол. Гошке стало жалко посуду. И он выразил Моцарту сожаление по поводу разбитого стакана.

– Послушай, Моцарт, а вы домашние работы как делаете? Вас, например, попросят сделать что-нибудь? Вот как сейчас. Переставить стакан. Ведь на тебя тогда стаканов не напасёшься. А они, я тебе скажу, денег стоят.

– Тебе что, стакан жалко? – Моцарт внимательно посмотрел на Гошку.

– Знаешь, не то чтобы жалко, – Гошка искривил лицо, – но если честно, то жаль немножко, – он показал самый большой осколок Моцарту. – Смотри, какой большой. Вот если бы фокус твой получился сначала, а потом только стакан разбился, то тут, наверное, не так жалко бы было. А так, конечно жалко. Ни фокуса, ни стакана.

– Постой, Гошан. Тут ведь вот какое дело. Нас когда учат в волшебной школе, то, – он поднял указательный палец, –

самое главное, чтобы двоек не получать. У нас ведь двоечников совсем нет, – похвастался Моцарт.

– Как нет? – не поверил ему Гошан. – Ученики есть, а двоек нет? Ха-ха! Ха-ха! Разве так бывает?

– Бывает! – обиделся Моцарт. – У меня двоек никогда не было, – и Моцарт так насупил свои брови, что Гоша, глядя на него, в самом деле поверил, что и двоечников у них нет, а Моцарт никогда не хватал двоек.

– А что же ты стакан тяпнул? А-а? – подковырнул Гошан Моцарта снова.

– Да в том, что я его разбил, ничего такого нет. Нас в школе учат сперва-наперво возвращать всё на своё место, если что-то не получается. Представляешь, если бы мы в учёбе делали ошибки и не могли их исправить?

Моцарт говорил, а Гошка его внимательно слушал и восхищённо чему-то дивился. В его голове бродили совершенно разные мысли. Смысл того, что ему рассказывал Моцарт, до Гоши доходил. Только Моцарт говорил с таким выражением лица, будто рассуждает о каких-то простых предметах. Гошан в задумчивости снова почесал затылок.

– Не, Моцарт. Ты правду говоришь? Ты ведь всё это серьёзно?

– Ну конечно! Вот смотри. Это я запросто. Это как детей, если уж говорить научили, то они до конца жизни могут, несмотря на то, что взрослыми становятся. А забыть слова и как их говорить – уже не могут.

– И что? – сам не зная почему, спросил Гошан.

– Что-что? Да ничего! – Моцарт сделал движение рукой, кашлянул и что-то прошептал. Затем подошёл к Гошану, взял у него осторожно разбитый осколок и бросил его на пол.

Пока осколок летел вниз, он, словно магнитом, притягивал остальные кусочки к себе. И прямо на глазах стакан по той же траектории направился снова на подоконник.

– Ничего себе! – разинул рот Гоша и поспешил к стакану, чтобы взять его в руку.

– Послушай, а ты его... – он не знал, что сказать, – можешь снова так?

– Опять ты за своё, – проговорил Моцарт. – Гош, – посмотрел он жалостливо. – Не могу я, подзабыл кое-что. Ты что, не понимаешь? – хотел было оправдаться Моцарт, – с кем не бывает.

– Нет. Так не пойдёт. Ты пробуй. Обещал же. Вот и показывай, что ты настоящий волшебник. А то смотри, Моцарт, не поверю. Разболтаю, что никакой ты не волшебник, – снова слова Гошана прозвучали серьёзно и угрожающе. – Я и Слюнтику тогда расскажу, а уж тогда не знаю, будет ли он дружить с тобой, если ты не настоящий.

– Ну ладно, – тихо проговорил Моцарт. – Буду пробовать. Он отвернулся, взял голову в руки, словно хотел что-то вспомнить и не мог, потом повернулся с улыбкой.

– Вспомнил, – и проделал непонятное движение рукой. Стакан на подоконнике задрожал и зазвенел, а ребята ста-

ли пристально смотреть на него. Стакан делал маленькие прыжки, но взлетать не хотел.

Зато Гоша почувствовал, что одна его нога оторвалась от пола и стала подниматься в воздух, а другая, как привинченная, стояла на полу. Гошка испугался. Нога медленно, но верно поднималась. Она была такой лёгкой, что Гоша даже не чувствовал её.

Гошан пошевелил ногой. Она легко поддалась. Но вот вторая стояла, как вкопанная.

Почему он захотел попробовать встать на ту ногу, которая была в воздухе, Гошка и сам потом не мог объяснить. Но он опёрся на неё. И у него получилось! Вторая нога оторвалась от пола.

Получалось, что нога, которая была в воздухе, словно стояла на чём-то невидимом.

Гошан это понял и в ту же минуту стал терять равновесие. Он стал крениться на бок и не знал что делать. Он лишь понимал, что сейчас он брякнется вниз.

И хоть он был недалеко от пола, всего с каких-то полметра, но состояние невесомости вскружило ему голову, а может, незнание того, как нужно держаться, когда паришь как птица. У птицы хоть крылья есть! И тут Гошка пожалел, что у него нет крыльев. Он качнулся в воздухе, хотел что-то сказать Моцарту, но снова закачался и опять чуть не упал.

Он даже замолчал, поскольку чувствовал, что если пошевелит хотя бы языком, то снова потеряет равновесие.

«Да, вот дела», – подумал Гошан. И только он это подумал, как стал заваливаться на бок.

Но тут его словно кто-то большой и невидимый взял за руки и поставил на пол. Гошану показалось, что он стал очень-очень тяжёлым. И у него не было сил даже шагнуть. Он постоял минуту. Сосредоточился. Потом попытался с огромным усилием сделать шаг, и его нога словно стрельнула! Она снова стала нормальной, вовсе не тяжелой. И движение Гошки получилось таким, будто он пнул футбольный мяч.

В итоге, наш герой попал по стене только кончиком ноги, и потому больно ему не было.

Обернувшись к Моцарту, Гоша прикрикнул:

– Слушай, Моцарт, перестань!

– Да я ничего уже и не делаю. Ты постой, не торопись. По плану я должен был сделать стакан пушинкой.

– Какой пушинкой?

– Какой, какой! Первый раз я попытался сделать стакан мячиком. Но у меня не получилось. А сейчас попробовал сделать пушинкой. Но пушинкой сделал тебя. Что-то опять перепутал. Зато ты теперь знаешь, каково быть пушинкой!

– Ты это брось! – выдохнул Гошан.

Сомнений не было, Моцарт, пусть и не совсем точный волшебник, но волшебные штучки вытворять может.

У Гошана даже дух захватило, какие приключения можно придумывать при таких обстоятельствах! Теперь-то он Моцарту даст задание посложнее.

– Послушай, Моцарт, – схитрил Гошка, – а ты можешь меня из окна приподнять. Я погляжу, где пацаны. А потом ты меня обратно, того...

– Забирайся на подоконник! – Моцарт обрадовался, что Гошка вовсе не обратил внимания на его неудавшееся волшебство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.